

де Боор заключает: где Cassin + Hist. Misc. против Palat., или Cass. + Palat. против Hist. Misc., там мы, несмотря на орфографические особенности, можем предполагать перед собой чтение архетипа. Напротив, согласие Palat. + Hist. Misc. никоим образом не убедительно против Cassin. Пользуясь исчерпывающим критическим аппаратом, приводимым де Боором в его издании *Historia tripartita*, мы без труда убеждаемся в том, что речь здесь может идти только об искажениях и исправлениях отдельных слов, главным образом собственных имен и малопонятных для западных переписчиков греческих терминов и обозначений. Но, с одной стороны, этих расхождений в основных рукописях перевода не так много, а с другой — почти все они и легко примиримы и мало значительны, если не для филолога, каковым преимущественно и выступает де Боор, то для историка. Я проследил эти разночтения в пределах царствований Льва III и Константина V и, помимо причудливых искажений собственных имен, особенно не-византийских (арабских), и наивных ошибок в падежах, временах и числах, легко, однако, исправимых и не препятствующих даже и без помощи греческого текста⁷ восстановить смысл фраз, не мог остановиться ни на чем, компрометирующем рукописную традицию перевода. В общем, списки его, как древнейшие — положенные де Боором в основу восстановления текста Анастасия, очень близки между собою и безусловно совпадают в смысле исторического содержания. Нужно думать, что они дают довольно точное отображение подлинного Анастасия, если не считаться с чисто внешними промахами и искажениями переписчиков, плохо понимавших латинскую речь и сводивших текст с буквы на букву. Такое доверие к рукописному составу Трехчастной истории мотивируется и сравнительно большой хронологической близостью наличных списков к оригиналу. Если эти списки (*Palatinus* 826 и *Cassinensis* 6) с достаточной убедительностью относятся к X—XI вв., то от написания перевода Анастасием (т. е. от 70-х годов IX в.) отстоят они на сто лет, а может быть, и того меньше. И как бы де Боор ни подчеркивал „многочитанности“ *Historia tripartita*, все-таки она не могла быть читана и перечитана, писана и переписана настолько, чтобы в какие-нибудь сто лет существенно отдалиться от первоначального состава и текста. На Западе она не могла сделаться „настойной книгой“, какой была на Востоке Хронография Феофана, так как все-таки это была чужая книга, повествовавшая о чуждых событиях. Ссылка на Гуго Флерийского,⁸ которой пользуется де Боор, говорит не за соображения последнего. Ведь этот французский монах — писатель рубежа XI—XII вв., заявляя о своем пользовании переводным трудом Анастасия,⁹ полагает, что он составлен был при Карле Великом,¹⁰ что свидетельствует (если это не простая ошибка позднейшего переписчика) о недостаточном его знакомстве с сочинением Анастасия. Последующее же признание, что *liber tamen ipse per multos latuit annos sed super meis deo volente venit in manibus*, показывает, что как раз на протяжении X—XI вв. перевод Анастасия далеко не пользовался какой-нибудь необыкновенной популярностью и распространенностью на Западе. И ввиду этого ничто не может внушить нам сомнения в том, что в почти сливающимся по фактическому содержанию составу древнейших рукописей мы имеем дело с почти

⁷ Прибегать к которому в данном случае довольно рискованно.

⁸ Hugo Floriacensis. *Historia ecclesiastica*, lib. VI, prolog. — *Monum. Germ. Script.*, t. IX, p. 357.

⁹ *Multa, quae secuntur, ab Anastasii Romani bibliothecarii libro decerpsi...*

¹⁰ *Quem tempore Karoli Magni de graeco transtulit in latinum.*